

geomagnetic factors: author's abstract to the dissertation for candidate degree in medical sciences] М., 2015.

19. Bohan A. P., Mjasnikov V. V. Nevinovnoe prichinenie vreda ili dorozhno-transportnoe prestuplenie? // Jurist-Pravoved. [Innocent causing of harm or a road traffic crime? // Jurist-Pravoved] 2016. No. 2. Pp. 46–51.

20. Kiselev S. L. Teoreticheskie osnovy geliogeofizicheskogo prognozirovaniya prestupnosti i chrezvychajnyh situacij : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. [Theoretical foundations of heliogeophysical forecasting of crime and emergency situations: author's abstract to the dissertation for doctoral degree in legal sciences.] М., 2000.

21. Ignatov A. N., Grigor'ev P. E. Vlijanie geliogeofizicheskikh faktorov na sostojanie prestupnosti // Obshhestvo i pravo. [The influence of heliogeophysical factors on the state of crime // Society and Law.] 2016. No. 2. Pp. 189–196.

22. Grigor'ev P. E. Vklad geliogeofizicheskikh faktorov v dinamiku psicheskikh sostojanij // Geofizicheskie processy i biosfera. [Contribution of heliogeophysical factors to the dynamics of mental states // Geophysical processes and the biosphere.] 2008. Vol. 7, No. 3. Pp. 63–70.

23. Grigor'ev P. E., Ignatov A. N. Vlijanie geliogeofizicheskikh faktorov na osobennosti terroristicheskoy aktivnosti // Prostranstvo i Vremja. [Influence of heliogeophysical factors on the characteristics of terrorist activity // Space and Time.] 2016. No. 1/2. Pp. 252–256.

24. Grigor'ev P. E., Ignatov A. N. O svjazi buntov zakljuchennyh v mestah lishenija svobody s faktorami kosmicheskoy pogody. Pilotnoe issledovanie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. [On the connection between prison riots in places of deprivation of liberty and space weather factors. Pilot study // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences.] 2020. Vol. 6, No. 1. Pp. 195–203.

25. Levin G. D. «Svjaz'» kak filosofskaja kategorija // Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija. ["Communication" as a Philosophical Category // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education.] 2006. No. 2. Pp. 36–47.

26. Lizunova Ju. V. Vlijanie uslovij Krajnego Severa na uroven' ubijstv pri geliogeofizicheskikh vozmushhenijah // Jekologija cheloveka. [The Influence of Far North Conditions on the Murder Rate during Heliogeophysical Disturbances // Human Ecology.] 2006. No. 7. Pp. 9–13.

Александр Иванович Стребков

*Заведующий кафедрой конфликтологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор политических наук, профессор
E-mail: strebkov.com@mail.ru*

Александр Дмитриевич Карпенко

*Доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
кандидат биологических наук, доцент
E-mail: alex@karpenko.name*

Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов

*Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Пензенского государственного университета,
доктор политических наук
E-mail: tabaris@mail.ru*

Философия медиации как способ урегулирования конфликтов: концептуальные положения

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ медиации как способа урегулирования конфликтов с философской точки зрения. Являясь уникальным способом урегулирования споров, медиация обладает огромным потенциалом в урегулировании правовых споров, а также в социокультурной сфере, что обуславливает актуальность статьи. Предмет исследования составляют философские вопросы развития института медиации в России как механизма досудебного урегулирования споров и формы примирительных процедур. Цель работы – формирование концептуальных положений медиации как способа урегулирования конфликтов и их теоретическое обоснование. Достижение цели исследования стало возможным благодаря применению ряда методов – диалектического, с помощью которого проведен анализ предмета исследования в развитии и взаимосвязи с другими явлениями; общенаучных методов, позволивших провести анализ отдельных научных подходов к исследуемой категории и обобщить их в рамках единой исследовательской установки. Научная новизна работы состоит в определении философских аспектов медиации как способа урегулирования конфликтов. В статье делается акцент на междисциплинарный характер медиации. Работа нацелена на комплексный анализ взаимосвязанных категорий «конфликт» и «медиация», т. к. не представляется возможным познание природы последней без раскрытия сущности «конфликта». Основные результаты и область их применения. Преимущества внедрения медиации и иных альтернативных возможностей урегулирования споров очевидны в отношении как государства, так и участников спорного правоотношения. Не случайно медиативные способы урегулирования споров развиты в международной практике. Выводы. Проведенный анализ философской природы конфликта, его сущности, неопределенности его природы определяет основные направления модернизации категории «медиация» в контексте усиления ее социальной роли в разрешении конфликтов. Развитие медиации способно содействовать совершенствованию общественных отношений и развитию менталитета сотрудничества в обществе, как на микро-, так и на макроуровне.

Ключевые слова: конфликт, урегулирование конфликта, медиация, посредническая деятельность, посреднические отношения, спор, философия медиации.

Стребков А. И., Карпенко А. Д., Сеидов Ш. Г.

89

Alexander Ivanovich Strebkov

*Head of the department of Conflictology,
St. Petersburg State University,
Doctor of Political Sciences, Professor*

Alexander Dmitrievich Karpenko

*Associate Professor of the Department of Conflictology,
St. Petersburg State University, Candidate
of Biological sciences, Docent*

Shakhrutdin Gadzhialievich Seidov

*Professor of the department of State and Legal disciplines,
Penza State University, Doctor of Political Sciences*

**Philosophy of Mediation as a Method of Conflict Resolution:
Conceptual Provisions**

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of mediation as a method of conflict resolution from a philosophical point of view. Being a unique method of dispute resolution, mediation has enormous potential in resolving legal disputes, as well as in the socio-cultural sphere, which determines the relevance of the article. The subject of the study is the philosophical issues of the development of the institution of mediation in Russia as a mechanism for pre-trial dispute resolution and a form of conciliation procedures. The purpose of the work is to form conceptual provisions of mediation as a method of conflict resolution and their theoretical justification. Achieving the goal of the study became possible due to the use of a number of methods - dialectical, with the help of which the analysis of the subject of the study in development and interrelation with other phenomena was carried out; general scientific methods that made it possible to analyze individual scientific approaches to the category under study and generalize them within the framework of a single research setting. The scientific novelty of the work consists in defining the philosophical aspects of mediation as a method of conflict resolution. The article emphasizes the interdisciplinary nature of mediation. The work is aimed at a comprehensive analysis of the interrelated categories of «conflict» and «mediation», since it is impossible to understand the nature of the latter without disclosing the essence of «conflict». Main results and their scope of application. The advantages of introducing mediation and other alternative dispute resolution options are obvious in relation to both the state and the parties to the contentious legal relationship. It is no coincidence that mediation methods of dispute resolution are developed in international practice. Conclusions. The conducted analysis of the philosophical nature of the conflict, its essence, the uncertainty of its nature determines the main directions of modernization of the category of «mediation» in the context of strengthening its social role in conflict resolution. The development of mediation can contribute to the improvement of public relations and the development of a collaborative mentality in society, both at the micro and macro levels.*

Keywords: *conflict, conflict resolution, mediation, mediation activity, mediation relations, dispute, philosophy of mediation.*

Переговоры и медиация, хотя и имеют свою древнюю историю, не могли быть инкорпорированы без противоречий в такое же древнее знание, как философия. Она их отвергала в силу их не философской привлекательности.

Признание того факта, что конфликт есть закон современного общества, что его действие пронизывает все сферы человеческой жизни, оказывает на них влияние и определяет их, ставит перед исследователями задачу определения природы конфликта, его значения в современной социальной жизни. «Недостаток взаимосвязи теоретических и практических подходов к разрешению конфликта означает, — пишет Марк Росс, — что теории конфликта мало говорят нам о том, как им управлять, в то время как практические разработки по урегулированию конфликта не могут принимать в расчет то многообразие его источников, которое выявила теория конфликта и, таким образом, часто прибегают к частичным или неадекватным решениям сложных, глубоко укорененных разногласий. Это, в свою очередь, означает, что наши институты и практика работы <а это зарубежные институты и зарубежная практика> с конфликтами тяжеловесны и несовершенно» [1, с. 185–186].

Для того, чтобы разрыв между теорией и практикой минимизировался и методы работы с конфликтом меньше всего напоминали работу кудесников, по выражению Д. Писарева, необходимо исключить то противоречие, о котором пишет М. Росс. Для этого следует практике конфликто разрешения дать философскую основу, а последней — питательную силу практики. Необходима такая теория конфликта, которая в полной мере соответствовала бы индивидуальным и общественным потребностям и исходила из признания объективного характера конфликта как негативного способа взаимодействия, в котором «отрицание и утверждение» [2, с. 131] представлены

одновременно. В конфликте нужно видеть причину, оказывающую влияние на индивидов, их сознание, психику и образ жизни, а не наоборот.

Практика конфликто разрешения к концу XX в., хотя и имела достаточные примеры успеха, как отмечает Л. Козер, в основном базировалась на теориях, которые видели в конфликте следствие деятельности самих индивидов, изъянов в их индивидуальном или групповом сознании и психологии, даже при условии, что конфликту придавалась не только негативная, но и позитивная функция [3, с. 51].

Большинство современных ученых-конфликтологов, по мнению А. Р. Аклаева, «придерживается широкой трактовки социального конфликта, включающей как мотивационно-психологические, так и поведенческие составляющие, которые могут варьировать по степени интенсивности в конкретных конфликтных ситуациях» [4, с. 97]. Данное видение конфликта, по нашему мнению, есть наиболее узкая его трактовка, ограниченная психологическими мотивами и поведением, т. е. действием, определяемым и регулируемым индивидуальным сознанием и мотивируемым психикой людей. Психологизаторская трактовка конфликта уводит теоретическую конфликтологию и практику конфликто разрешения в мир следствий, принимаемых за причины конфликтов.

Загонять конфликт в узко психологические рамки — это примета времени, примета полного неприятия факта конфликтогенного характера современного общества, порождаемого объективными законами. Да и сам современный конфликт есть объективный закон, определяющий психику и поведение людей, их волю. «Страх перед конфликтами и призывы к единству, — все это, пожалуй, оказывает сильное влияние на современные интеллектуальные настроения» [3, с. 48]. Такое же влияние оказывают представления о конфликте, ограниченные мотивационно-психологическими и поведенческими составляющими действительного конфликта как негативного способа взаимодействия.

Как отмечает Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке», объективный конфликт — «не такой конфликт, который возник только в головах людей... а существует в действительности, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан» [5, с. 23].

Различные подходы к определению конфликта есть свидетельство неопределенности в понимании его междисциплинарного характера, а тем самым неопределенности в понимании диалектики самого конфликта. С конфликтом связано разрушение чего-то, прежде существовавшего, как целого. Понятием «конфликт» отражается разрушение того, что прежде было устоявшейся формой связей, не нарушало равновесие во взаимодействии. Эта видимость разрушительности конфликта есть продукт идеологии, постоянно транслируемой на индивида и его сознание. «Сегодня идеология не является только продуктом партийных функционеров, а, будучи формой символического капитала, так или иначе воспроизводится и потребляется каждым индивидом» [6, с. 82–83].

Конфликт как некоторое разрушение устойчивости в связях фиксирует лишь факт негативного отношения, отрицающего положительное, а может быть псевдоположительным состоянием общества. Но разрушение устойчивости фиксируется и таким понятием, как «борьба». «Под борьбой следует понимать такое состояние двух антагонистических сил, при котором каждая в действительности производит результат, в некотором отношении противоположный тому, который производит другая» [7, с. 11].

Единство или целое в результате конфликтного способа существования человечества достигается через борьбу как крайнюю форму выражения конфликта. Она есть разрушающая и созидаящая сила человечества и человека. Ничем не сдерживаемая, она несет в себе только разрушение, а сдерживаемая — созидает. Она несправедлива ко одним и справедлива для других. Борьба — это борьба — ведущая сторона конфликта. На противоположной стороне конфликта — способ сохранения

единства, достигаемого посредством борьбы. Поэтому конфликт представлен и как борьба, и как не борьба одновременно, как некоторая противоположность, отраженная сама в себе. Тем самым конфликт отражает соотношение форм борьбы и мира одновременно. Поэтому конфликтом может обозначаться всякое состояние взаимодействия в обществе, в котором борьба перемежается с миром. И поэтому конфликт есть способ мирного существования человека в борьбе и способ борьбы человека в мире. Но чем меньше борьба является нам как способ взаимодействия, чем больше движение напоминает мирное сосуществование, мирные способы достижения тех или иных результатов, тем определение конфликта более размыто, неопределенно, ибо исчезает разрушительная сила борьбы. Угасая в мире, борьба становится, как у Р. Дарендорфа, некоторым спором или даже дискуссией [8, с. 18].

Современное общество медленно, но уверенно движется по пути осознания пагубности борьбы и вместе с тем признания необходимости выработки технологий урегулирования конфликтов и поддержания мира. В практику различных способов взаимодействия постепенно внедряются способы и методы урегулирования конфликтов, отражающие суть диалектики. Мы видим, как на смену праву как способу разрешения конфликтов, который регулирует взаимодействия между людьми посредством, в основном, директивных норм, являющихся следствием господства отношений собственности, приходит диалектический метод урегулирования — медиация.

Если право ограничивается применением равной нормы ко всем взаимодействующим субъектам, принуждая их к исполнению данной нормы, независимо от того, каково их положение, то медиация отказывается от выработки таких норм, она «безнормативна» в том смысле, что дает возможность конфликтующим сторонам выработать их самостоятельно, и тем самым прийти к достижению такого способа взаимодействия, который характеризуется меньшей степенью конфликтности. Медиация как способ урегулирования конфликтов не обладает силой принуждения к исполнению субъектами нормы. И в этом еще одно существенное отличие ее от права. В медиации как в способе урегулирования конфликтов социальный и индивидуальный мир конфликтующих субъектов начинает приобретать большое значение, чего вы не сможете найти в праве, для которого нет чувств, нет иного разума, помимо государственного разума, а значит и нет рациональности и логики в действиях людей.

Поэтому праву, естественно, не доступно то, что является жизненным атрибутом человека — его чувства и сознание. И потому право, претендующее на урегулирование конфликта, бессильно там, где существенную роль в его разрешении и предотвращении играет его душа. Медиации же обладает этими способностями и стремится светскими и научно обоснованными методами достичь бесконфликтной гармонии во взаимодействиях людей. Право там играет существенную роль в урегулировании конфликтов, где вне всяких сомнений их объективный характер, но там, где субъективизм приобретает большую свободу, там правовые технологии уступают по своей эффективности альтернативным, и особенно медиации.

Медиация как деятельность и как отношение осмысливается в различных познавательных парадигмах. В одних она сужается до методик и техник интервенции и работы с конфликтом, в других — останавливается на наиболее общих законах деятельности, выраженных в принципах. Право как институт посредничества возвышается над медиацией и предопределяет границы ее применимости. Право выступает против медиации, что вполне становится заметным, как только мы обращаем внимание на понимание медиации законодателем.

Воодушевление по поводу принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.12.2014 № 1041н (в ред. от 12.12.2016), сменяется подходом с точки зрения разума, который, сообразуясь с действительностью, и в этих, неопределимых для становления и развития

медиации в России, документах, начинает замечать ограничения для ее перспективного развития.

В статье 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» указывается, что он разработан в целях создания правовых условий для применения в России альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений [9]. Уже в целях мы видим пределы применения процедур медиации.

Наиболее значимой категорией Закона является такая категория, как «спор». А его урегулирование в результате участия посредника (медиатора) — как значимый для современного государства способ исключения негативизма во взаимодействии. Надо согласиться с законодателем, что спор есть особое отрицающее отношение, вытекает ли оно из правоотношения или отношения за пределами права. Почему отрицающее отношение? А потому, что субъекты, включенные в спор или конфликт, стремятся посредством борьбы нанести ущерб друг другу исключением из существующего отношения или существенным ограничением данного отношения, носителями которого они являются или предполагают, что будут являться. Отрицающее отношение есть сознательный продукт действий, стремящихся достичь противоположного результата по отношению к тем действиям, которые стремятся к тому же самому. В споре, как в действиях, так и в обрамляющих их отношениях, происходит отрицание как действий, так и отношений, а вместе они отрицают правовую норму, которая ответственна за данное положительное отношение.

Борьба норм правового и неправового характера с необходимостью влечет за собой усиливающееся производство новых правовых норм, а тем самым споров, вытекающих из богатства правоотношений, — все больше будет потребность в их разрешении, тем больше будет востребована медиация. Но непонятно, зачем нужна медиации там, где господствует право? Неужели право перестает быть инструментом разрешения конфликтов? Нет. Право сохраняет свое значение в разрешении конфликтов, но все больше прибавляясь законами, оно тем самым снижает свои потенции выполнять функцию посредника между человеком и свободой человека. В то же время почему медиации отводится поле лишь правовых отношений, и как она как альтернативная технология в этом правовом поле сможет сама себя реализовать? Все эти вопросы — к законодателю, который, стремясь создать правовые условия для применения в РФ альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), ограничивает деятельность медиатора отрицательными правоотношениями. Медиатор, согласно логике федерального закона, должен вернуть субъектов конфликта в лоно правоотношений, из которых возник спор. Медиатор должен сотворить чудо, что в состоянии сотворить лишь государство.

Федеральный закон также был обязан установить необходимые границы медиации, где она является господствующим и обязательным институтом, где ее прерогатива окончательная и недвусмысленная. И если эти отрицательные отношения — продукт не только двух сторон взаимодействия, но и третьих лиц, а также и публичных интересов, то границы применяемой медиации должны раздвигаться, охватывать всю совокупность отношений, необходимых для восстановительной редукции. Однако законодатель в п. 4 ст. 1 возвращает медиатора в лоно правоотношений и заставляет его приступить к работе лишь «после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах». В логике закона право решать, быть медиации или нет, отдается на откуп судьи, как будто только он обладает выдающейся способностью усмотреть в конфликте необходимость медиации.

В этой статье законодатель не один раз входит в противоречие. То законодатель говорит, что медиация применима к трудовым правоотношениям, то отказывает ей

в применении к коллективным трудовым спорам. Определяя медиацию как способ достижения гармонизации социальных отношений, законодатель отказывает ей в этой функции, выводя публичный интерес за скобки медиации. Закон, рассуждая о предмете, которым по праву должна ведать медиация, настолько не определен или запутан, насколько это возможно сделать для того, чтобы лишь признать гражданское посредничество, но не дать этому виду деятельности, непосредственно вытекающему из потребностей общества в разрешении конфликтов, стать способом по их разрешению, равным судебному способу.

Так что же такое медиация? На этот вопрос федеральный закон не дает положительного ответа, а исследователи произвели большое количество различных трактовок термина «медиация». И, как отмечает в своем диссертационном исследовании Д. А. Чхартишвили, «каждая из этих интерпретаций одновременно подтверждает содержание предыдущей и при этом вносит некие коррективы в понимание этого феномена» [10, с. 27]. При этом сам автор оставляет нас в неведении относительно того, что он сам понимает под медиацией, не раскрывает также понимание медиации другими исследователями и спасается отталкиванием от определения, которое представлено в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10, с. 23]. Но в ст. 2 Закона, не давая определения медиации, законодатель говорит о процедуре медиации, под которой понимается «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения». Если процедура медиации есть способ урегулирования споров, то вне процедуры, вне способа урегулирования спора в законе медиация не рассматривается. И это связано с тем, что, по мнению законодателя, государство, будучи посредником в урегулировании конфликтов, не может предположить, что еще кто-то рядом с ним будет иметь право на подобное посредничество.

Медиация помимо того, что она есть посредническая деятельность, есть также и посредническое отношение. Посреднические отношения — это другая составляющая медиации, без которой сама посредническая деятельность не в состоянии осуществиться. Суть этих отношений заключается в том, что любая человеческая деятельность может быть реализована только в результате совместной деятельности. Не вдаваясь в подробности такого положения вещей, следует сказать, что совместная деятельность предполагает не прямое взаимодействие, а обусловленное совпадающими природными и духовными качествами самого человека. В силу чего, по словам К. Маркса, человек есть совокупность общественных отношений, в то время как общество есть совокупность человеческих отношений. Но эта положительная миссия посреднических отношений — быть положительным эквивалентом, фиксирующим в себе равенство во взаимодействии индивидов, омрачена действительным неравным социальным положением и потому абстрактные понятия (а понятия — это и есть отношения, ибо, как говорил Гегель, отношения фиксируются в понятиях), отражающие равенство взаимодействующих индивидов, в действительности отражают его не для всех индивидов, а только лишь для той их части, для которых оно наступило в силу объективных либо субъективных предпосылок.

Анализ практики позволяет констатировать, что медиация — это не только признанный мировым сообществом эффективный способ разрешения конфликтов, но и ключевой фактор, влияющий на повышение правовой культуры общества. Медиация, институционализация которой еще не завершена, есть продукт посреднических отношений, где равенство сторон во взаимодействии нарушено по причинам объективным либо субъективным. Объективные причины, разрушающие равенство во взаимодействии, — это резкое и ставшее вполне заметным снижение статуса индивида в том или ином объединении. Именно в намечаемом или развивающемся конфликте посреднические отношения терпят фиаско, падает доверие к ним как связующим элементам взаимодействия. Восстановление

доверия или возврат в лоно отношений, породивших конфликт, если он определен объективными причинами, вряд ли возможно без восстановления статуса или положения, не провоцирующего конфликт. Поэтому наиболее приемлемыми и работающими альтернативными технологиями здесь могут быть социальные поддерживающие технологии, предохраняющие от снижения социального статуса и ухудшения положения. Медиативные технологии в данном случае вряд ли будут успешными или вообще применимыми. Но в то же время вполне допустимо, что медиативные технологии пространство своего применения могут расширить, при условии требований со стороны общества большего влияния и власти в определении и способов взаимодействия, и посреднических отношений. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов перспективу социального взросления медиации, усиления ее социальной роли в разрешении конфликтов, порожденных объективными причинами.

Пристайный библиографический список

1. Росс М. Г. Два лица конфликта. Интересы, интерпретации и культура конфликта // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чуприной; Конфликтологический центр, Алматы, Центр конфликтологии Института социологии РАН : в 3 т. Т. 2. Алматы, 2002.
2. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1976.
3. Козер Л. Функции социального конфликта // пер. с англ. О. А. Назаровой. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент : учеб. пособие. М. : Дело, 2005.
5. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М. : Прогресс, 1986.
6. Марков Б. В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 79–90.
7. Делевский Ю. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. Пб. : Типогр. т-ва «Общественная польза», 1910.
8. Дарендорф Р. Конфликтные группы, групповые конфликты и социальные изменения // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чуприной; Конфликтологический центр, Алматы, Центр конфликтологии Института социологии РАН : в 3 т. Т. 2. Алматы, 2002.
9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (дата обращения: 12.12.2024).
10. Чхартишвили Д. А. Медиация в России: институционализация и развитие медиативных практик : дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2018.

References

1. Ross M. G. Dva lica konflikta. Interesy, interpretacii i kul'tura konflikta / Konflikty: teoriya i praktika razresheniya. Opyt zarubezhnyh issledovanij / under the common edition of E. YU. Sadovskaya, I. YU. CHuprina; Konfliktologicheskij centr, Almaty, Centr konfliktologii Instituta sociologii RAN : v 3 t. T. 2. [Conflictology Center, Almaty, Conflictology Center of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: in 3 volumes. Vol. 2.] Almaty, 2002.
2. Aristotel'. Metafizika // Soch. v 4 t. T. 1 [Metaphysics // Works in 4 volumes. Vol. 1] / edited by V. F. Asmus. M. : Mysl' [Publishing house], 1976.

3. Kozer L. Funkcii social'nogo konflikta [Functions of Social Conflict] // translated from English by O. A. Nazarova. M. : Ideya-Press: Dom intellektual'noj knigi [Idea-Press: House of Intellectual Books], 2000.
4. Aklaev A. R. Etnopoliticheskaya konfliktologiya: Analiz i menedzhment : ucheb. posobie. [Ethnopolitical Conflictology: Analysis and Management: textbook] M. : Delo [Publishing house], 2005.
5. Engel's F. Razvitie socializma ot utopii k nauke. [The Development of Socialism from Utopia to Science] M. : Progress [Publishing house], 1986.
6. Markov B. V. Nezavershennaya revolyuciya: politicheskaya filosofiya Frankfurtskoj shkoly // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. [Unfinished Revolution: Political Philosophy of the Frankfurt School // Journal of St. Petersburg State University] 2018. Vol. 34, Issue 1. Pp. 79–90.
7. Delevskij YU. Social'nye antagonizmy i klassovaya bor'ba v istorii. [Social Antagonisms and Class Struggle in History] St. Petersburg, Tipogr. t-va «Obshchestvennaya pol'za» [Printing House “Public Benefit”], 1910.
8. Darendorf R. Konfliktnye gruppy, gruppovye konflikty i social'nye izmeneniya / Konflikty: teoriya i praktika razresheniya. Opyt zarubezhnyh issledovanij [Conflict Groups, Group Conflicts, and Social Changes / Conflicts: Theory and Practice of Resolution. Experience of Foreign Research] / under the common edition of E. YU. Sadovskaya, I. YU. Chuprina; Konfliktologicheskij centr, Almaty, Centr konfliktologii Instituta sociologii RAN : v 3 t. T. 2. Almaty, 2002.
9. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii) : federal'nyj zakon RF ot 27.07.2010 № 193-FZ (v red. Ot 26.07.2019). [On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of the Russian Federation of July 27, 2010 No. 193-FZ (as amended on July 26, 2019)] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (access date: 12/12/2024).
10. Chkhartishvili D. A. Mediatsiya v Rossii: institucionalizatsiya i razvitie mediativnyh praktik: dis. ... kand. soc. nauk. [Mediation in Russia: institutionalization and development of mediation practices: dissertation for Candidate degree in Social sciences] Rostov-on-Don, 2018.